

VOENNYI VESTNIK

MILITARY BULLETIN MILITARBULLETIN BULLETIN MILITAIRE BOLETIN MILITAR

4, Zubovski boulevard, K-21, Moscow, GSP, 103786, USSR

Editorial Office

tel. 201.34.24

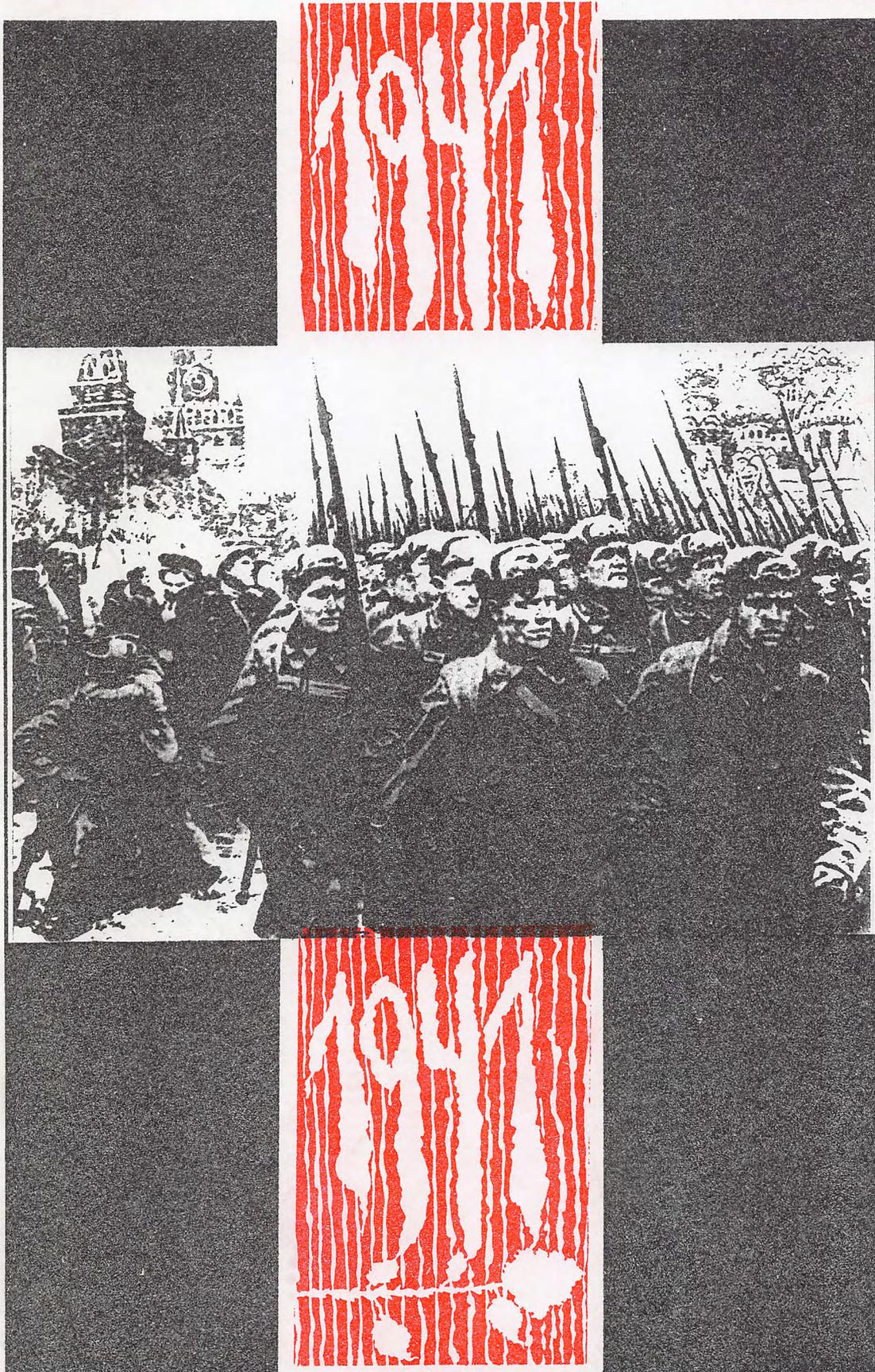
telex: 411101 Fax: 230.21.19

Circulation Department

tel. 201.71.28

telex: 411381

N 10-11 (112-113)

май-июнь 1991 года

ЖУРНАЛИСТ АЛЬБЕРТ АКСЕЛЬБАНК: 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА - БЫЛ ЛИ ЭТОТ ДЕНЬ ПРОСЧЕТОМ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА ИЛИ ПРОСЧЕТОМ ГИТЛЕРА ? (перевод с английского).....1

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АНДРЕЙ ГРЕБЕНЮК: ПУТИ И МЕТОДЫ ПОДГОТОВКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА К ВОЙНЕ С ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ.....10

Публикуется впервые. ОБОЗРЕВАТЕЛЬ ВЛАДИМИР МАКАРЦЕВ: К КАКОЙ ВОЙНЕ ГОТОВИЛСЯ СТАЛИН ? (опыт альтернативного исследования).....19

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК НИКОЛАЙ КОБРИН: ОТКРЫТИЕ ВТОРОГО ФРОНТА И БЕЛОРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ.....24

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА - БЫЛ ЛИ ЭТОТ ДЕНЬ ПРОСЧЕТОМ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА ИЛИ ПРОСЧЕТОМ ГИТЛЕРА ?

интервью американского журналиста Альберта Аксельбанка с советскими военачальниками (перевод с английского)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поколение советских людей, победивших нацизм, постепенно уходит из этого мира. Остается только память и памятники, воздвигнутые в их честь. Но память - слишком коротка, настолько коротка, что сегодня за пределами Советского Союза даже сносят военные памятники.

Я брал интервью у многих советских военачальников - участников войны. Эти люди шли в бой не из мягких кресел, а из блиндажей и окопов, они знают все трудности войны, о которых нужно рассказать, не по наслышке.

А как американцы и англичане, включая генералов, которые побывали в Москве в 1941-45 годах, относились к Красной армии?

Лично я гораздо больше верю маршалам, генералам и адмиралам, которым знаком запах и голос войны, чем многим современным историкам.

Давайте сначала посмотрим, как некоторым американцам виделись события 22 июня 1941 года и более поздние. Сегодня многим американцам абсолютно неизвестно, что два их выдающихся военачальника генералы Д.Макартур и Д.Эйзенхауэр считали, что у Красной армии времен военных подвигов не было аналогов в истории.

Макартур, оценивая упорное сопротивление русских во время нацистского нашествия 1941 года и во время битвы под Москвой сказал, что будущее цивилизации зависит от "героических знамен русской армии". Эйзенхауэр, отдавая дань советским военачальникам времен войны, сказал: "Я убежден, что наша высшая военная академия в Вест Пойнте еще будет изучать Московскую, Сталинградскую и Берлинскую операции также, как битву при Каннах; что имена Жукова и других советских военачальников будут произноситься как имена великих мастеров своего дела."

Английский лорд Бивенбрук однозначно определил: "Россия породила лучших боевых генералов."

Американский ас времен Первой мировой войны капитан Эдди Рикенбакер, который посетил Советский Союз во время

войны, сначала не мог понять, почему немецким самолетам не удалось разбомбить Москву. Потом он увидел превосходное воздушное прикрытие и зенитные батареи, и "понял все". На него произвели глубокое впечатление штурмовики - истребители танков, на одном из которых под командованием летчика Михаила Громова, он совершил полет. Рикенбакер доложил в Вашингтон, что советская армия "никогда не прекратит борьбу, никогда не подпишет сепаратного мира (а в американских официальных кругах было беспокойство по этому поводу) до тех пор, пока противник не будет разбит полностью. "

Еще один американский генерал П.Фаумонвилл, сотрудник американского посольства в Москве, высоко оценивал советское высшее политическое руководство, которому удалось серьезно укрепить моральный дух и в экстренных случаях осуществлять военное руководство.

Но по поводу 22 июня 1941 года существовало и совершенно противоположное мнение. Это было время, когда в Вашингтоне и Лондоне преобладало мнение о том, что русское сопротивление будет сломлено в ходе "блиц-крига" за один месяц. В конце 1941 года большинство военных атташе США в Москве, Берлине, Париже, Лондоне и других столицах настаивали на том, что советская армия и ВВС были настолько ослаблены, что у них "не хватало сил для сопротивления".

Более глубокий подход проявляли другие американцы. Так, помощник Рузвельта Гарри Гопкинс верил в подробные объяснения Сталина по вопросам советской военной стратегии, разработавшей пути достижения победы. Сообщая об этом Рузвельту осенью 1941 года, Гопкинс добавил, что существование обширной экономической базы за Уралом было одной из главных причин, по которой Гитлер никогда не завоюет Россию.

Но в то же время, некоторые американские военные эксперты испытывали серьезные сомнения по поводу способности русских крестьян овладеть современным оружием. А затем, неожиданно, западный мир успокоился и обратил внимание на то, что "русский крестьянин" вполне справляется с этой задачей. "Нью-Йорк Таймс" писала, что впервые Гитлер "воевал в новом измерении". И дальше: "В лице русских немцы встретили новый тип противника и новый тип войны."

Один американский военный эксперт сказал в конце 1941 года: "Как бы там ни было, а русские сделали невероятное. Они остановили Вермахт !"

Генерал Макартур говорил: "Никогда в своей жизни я не видел такого эффективного сопротивления жесточайшим ударам неподимого противника..." И еще: "Величайшее военное достижение во всей истории."

Недавно в министерстве обороны СССР я встретился с генералом армии Иваном Шавровым. Мы "чокнулись" бокалами с минеральной водой (ничего более крепкого на столе не было !) за нашу общую советско-американскую победу, одержанную 46 лет назад. При этом не забыли британских и других союзников, внесших свой вклад в победу. Я встретился примерно с 30 советскими генералами и адмиралами, ветеранами Великой отечественной войны, и записал их интервью на пленку. Все они принимали участие в боевых действиях в ходе этой войны, а некоторые воевали и в Испании. Конечно, я интересовался, как они оценивают тот роковой день - 22 июня 1941 года. Каждый сказал, что ожидал нападения нацистов. Никто из них особенно не доверял пакту Молотова-Риббентропа о ненападении. Они однозначно дали высокую оценку военному и политическому руководству, которое вело Советский Союз к победе в этой войне, хотя и признавали, что в начале войны советское руководство допустило ряд ошибок. Даже в тяжелые летние дни 1941 года они были уверены в победе над нацистской Германией.

А теперь я приведу выдержки из интервью с военачальниками-ветеранами.

*

Генерал армии Шавров родился в 1916 году, воевал от начала до конца войны. У него девять рядов орденских планок, всего 44, был дважды ранен.

ВОПРОС: Где Вы были 22 июня 1941 года ?

ШАВРОВ: В этот день я сдавал последние экзамены по тактике в Академии бронетанковых войск в Москве... Мы готовились к выпуску...

ВОПРОС: Какое у Вас было звание в это время ?

ШАВРОВ: Я был старшим лейтенантом.

ВОПРОС: Как Вы узнали о нападении ?

ШАВРОВ: Мы услышали объявление о том, что на рассвете германские войска перешли границу и совершили воздушные налеты... Мы знали, что Гитлер готовился к войне, и я, как слушатель Академии, читал сводки Генерального штаба о дислокации и о прибытии новых германских дивизий.

Слушатели Академии примерно знали ситуацию на границе и дислокацию германских войск. Политический горизонт был затянут облаками, и мы знали - война приближается... Но конечно, мы не знали, в котором точно часу фашисты ударят. Сталин, в его речи перед выпускниками военных академий объявил, что война - неизбежна, и призвал всех выпускников быть готовыми отразить нападение фашистов.

ВОПРОС МАРШАЛУ РУДЕНКО: Некоторые люди критикуют Советский Союз за то, что на 22 июня 1941 он не подготовился к отражению фашистской агрессии (этот вопрос я задавал маршалу в 1985 году).

РУДЕНКО: Бывают люди, о которых говорят, что "они умны задним числом". Очень легко через 20, 30 или 40 лет после войны критиковать то, что случилось в 40-е годы. Конечно, в начале войны мы отставали. были некоторые негативные моменты. Но война есть война. Это - не простая вещь. Это был наиболее критический и трудный момент (22 июня 1941 года) для партии и армии - взять инициативу и преодолеть кризис. Это была грандиозная задача. Но и правительство и народ справились с ситуацией. И в результате немцы подошли к Ленинграду, но были остановлены. Они были остановлены и на московском направлении. Два месяца длилась Смоленская битва. За Днепром немцы тоже были остановлены. В 1941 году советские Вооруженные Силы остановили дальнейшее продвижение германских войск. Красная армия не только остановила агрессора, но и осуществила контр-наступление под Москвой, которое позволило советским войскам отбросить нацистов на 200-300 км от столицы.

ВОПРОС: Существует мнение, что 22 июня 1941 года советские Вооруженные Силы проспали ! Каково Ваше мнение? (Я задал этот вопрос генералу Желтову в 1985 году).

ЖЕЛТОВ: Прежде всего Вы должны понять, что Советский Союз не хотел войны. Это был коварный акт потому, что эта была

необъявленная. неспровоцированная война. Наша страна вела в это время мирную жизнь. С первых минут войны, массированные части авиации и танков вторглись на нашу территорию. А мы еще не были готовы к выполнению широкомасштабных операций.

ВОПРОС: Знали ли Вы о плане "Барбаросса" ?

ЖЕЛТОВ: Да, мы знали, что рано или поздно придется воевать с фашистами. Мы видели наращивание гигантских сил на наших границах. Цель плана "Барбаросса", который разработал Гитлер, состояла, во-первых, в том, чтобы ввести в действие против Советского Союза массированные части танков и авиации. Во-вторых, чтобы разделить нашу страну, народы, которые в ней живут, республики и т.д. И все это для того, чтобы уничтожить союз между советскими народами, между рабочими и крестьянами - основой нашего государства. Ставка делалась также на то, чтобы оторвать народ от партии. Это была борьба между двумя социальными системами. Вот почему мы должны были мобилизовать все. В начале войны были определенные потери. Но мы знали, что мы воюем не только за нашу землю, но и за всю цивилизацию. Не только за нашу победу, но и за победу всего человечества.

ВОПРОС: Некоторые считают, что тяжелые потери Красной армии в начале войны стали катастрофой (интервью с генералом Павловским в 1986 году).

ПАВЛОВСКИЙ: Тогда были трудные условия, тяжелые времена. Но это не была катастрофа, скажем, как во Франции у Дюнкерка или позднее в Арденнах. Извините, но катастрофы не было.

ВОПРОС: Вы имеете в виду, что не было такой катастрофы, как падение Франции?

ПАВЛОВСКИЙ: Да. Или в Арденнах в конце 1944 и в начале 1945 годов. Если бы нацисты имели достаточно горючего во

время битвы в Арденнах они могли бы прорваться к океану. Советская армия помогла (союзникам), начав наступление раньше, чем было запланировано, в ответ на просьбу американского и британского командования.

ВОПРОС: Была ли армия Гитлера в июне 1941 года сильнее Красной армии?

ШАВРОВ: Германская армия была очень сильной армией. Она была полностью отмобилизована, хорошо вооружена, а дивизии были полностью укомплектованы как личным составом, так и техникой. Можно сказать, что она была совершенна в военном смысле слова. Кроме того, за несколько лет эта армия прошла через многие европейские страны, имела (боевой) опыт, правда, сравнительно легких побед, например, во время оккупации Франции, Бельгии, Голландии и других европейских стран. Но как бы ни были легки эти победы, все равно - это была война. Они были достигнуты в результате реальных боевых операций с участием реального противника. Французская армия была главной военной силой. Тем не менее, немцы нанесли поражение Франции и заняли Париж. У Германии было два благоприятных фактора: полная обеспеченность вооружением и опыт реальных боевых операций в Европе.

Так, немецкие самолеты считались лучшими в мире в то время. Для нападения на Советский Союз они использовали 5 тысяч самолетов и 4 тысячи танков. Они имели в своем распоряжении грузовики и оружие, захваченное у Франции и Чехословакии.

За время наших двух- с половиной пятилеток мы построили 9.5 тысяч крупных предприятий. Работала авиационная и автомобильная промышленность.

А теперь, чтобы ответить определенно на Ваш вопрос хотел бы сказать: до это мы не имели военной промышленности. В начале у нас практически ничего не было. Если у нас было

слишком мало времени, то мы не могли догнать Германию и другие промышленно развитые страны. А времени у нас было мало ! У нас было только 12 лет для того, чтобы подготовиться к современной войне ! Нам удалось лишь достичь приемлемых темпов в развитии военной промышленности. Но нам не хватило нескольких лет, чтобы достичь адекватного уровня развития военной промышленности.

И что произошло? У нас было множество устаревших танков. Официально - 23 тысячи. Но все они были на Дальнем Востоке, на Кавказе, на Юге. Везде. Конечно, после освобождения Бессарабии, Западной Украины и Белоруссии, после вступления наших войск в Прибалтику у нас появилось большое количество танков, вышедших из строя. Нам нужно было их ремонтировать. Некоторые танки служили еще в Гражданскую войну. 37 процентов этого парка нуждалось в капитальном ремонте. И конечно, эти машины невозможно было использовать в боях против фашистов.

К тому же, в действительности у нас в начале войны было очень мало противотанкового оружия.

ПАВЛОВСКИЙ: С 1937 по 1941 год, за полтора года существования пакта Молотов-Риббентроп, советская промышленность поставила в армию 17.750 самолетов, 7 тысяч танков и более 100 тысяч единиц другой боевой техники и вооружения. Как Вы видите мы готовились защитить свою страну. Например, мы разработали теорию "Глубокой операции". Мы осуществляли широкомасштабные маневры, мы готовили наше население к тому, чтобы защитить родину. Сталин и Генеральный штаб правильно оценили угрозу германского вторжения, но они старались отложить войну для того, чтобы лучше подготовить наши вооруженные силы к обороне.

ВОПРОС: Как Вы думаете можно было избежать таких потерь, которые понесла советская армия и советский народ?

ШАВРОВ: Я бы ответил так – 50 лет спустя можно критиковать то, что произошло тогда. Сегодня ситуация такова: многие историки и писатели иногда фальсифицируют, иногда заблуждаются, описывая обстановку тех лет в искаженном свете. Сейчас трудно сказать, можно было бы сделать что-то еще в то время для подготовки отражения агрессии фашистской Германии.

ВОПРОС: Сделал ли Сталин все возможное для отражения приближавшейся агрессии?

ШАВРОВ: Нет. Он не сделал все возможное. И тем не менее, в каком-то смысле, он сделал даже невозможное, чтобы подготовить страну к обороне! Если бы не была осуществлена широкомасштабная индустриализация, не было бы базы для нашей оборонной промышленности, то мы бы не справились с трудностями военного времени. Это – плюс. Но Сталин не сделал всего возможного именно накануне войны, зная о том, что Гитлер готовит вторжение, концентрируя фашистские войска на наших границах. Он не провел специальных мероприятий по мобилизации наших пограничных районов. Но и здесь есть одна скрытая причина: он действительно верил в договор с Риббентропом! И во-вторых, он не хотел давать малейший предлог Гитлеру для нападения на нас.

ВОПРОС: Я не уверен, что жертв могло бы быть меньше. Поэтому я хотел бы вернуться к этому вопросу...

АДМИРАЛ ГОРШКОВ (интервью 1986 года): Перед 22 июня 1941 года наше военное руководство извлекло серьезные уроки из войны, шедшей на Западе. Начиная с этого, предпринимались гигантские шаги для улучшения организации и модернизации советских вооруженных сил. Предметным уроком, извлеченным из событий на Западе, стало создание механизированных корпусов. Вот почему я могу подтвердить, что политическим и военным руководством страны предпринимались максимальные усилия для обеспечения обороны.

ВОПРОС: Но, адмирал, если абсолютно все, что в человеческих силах, делалось и в военной, и в гражданской, и в дипломатической области накануне 22 июня 1941 года для того, чтобы, с одной стороны, предотвратить, а с другой – лучше подготовиться к отражению агрессии, то было ли возможным сделать что-нибудь еще для этого ?

ГОРШКОВ: Необходимо было укрепить силы на западной границе Советского Союза и держать их в состоянии повышенной боевой готовности. Я могу добавить в этой связи, что советский флот решением наркома ВМФ был вовремя поставлен в состояние повышенной боевой готовности. Благодаря этому мы избежали потерь на флоте.

ВОПРОС: Через сколько часов после начала агрессии Вы вступили в бой?

ГОРШКОВ: Я командовал бригадой крейсеров на Балтийском море. 22 июня 1941 года экипажи были подняты по боевой тревоге в 3 часа 15 минут. Мы сразу же вступили в бой.

ВОПРОС: И все же, явилась ли фашистская агрессия сюрпризом?

ГОРШКОВ: С точки зрения политики и военной стратегии, никакого сюрприза в отношении войны с Германией не было. Советское руководство во главе со Сталиным и военное руководство прекрасно понимали, что рано или поздно между Советским Союзом и фашистской Германией разразится война. И наше руководство делало все возможное, чтобы оттянуть начало войны. Но если говорить с оперативной и технической точки зрения, то, действительно, нападение явилось сюрпризом. Некоторые ошибки были допущены в оценке времени начала нападения. Поэтому мы имели намного меньше сил в пограничных районах, чем противник. В два раза меньше, чем немцы.

Но нужно сказать, и Вы должны это подчеркнуть, что невероятное мужество всего советского народа, военных и гражданских людей, даже в условиях неожиданного нападения, привело к гораздо большим потерям в рядах гитлеровских армий, чем это было до этого на Западном фронте.

ВОПРОС: Итак, можно сказать, что нападение Гитлера на Россию было его просчетом - его роковой ошибкой?

ГОРШКОВ: Гитлер обнаружил, что победить Советский Союз невозможно.

ПАВЛОВСКИЙ (он присутствовал во время беседы): Победить Советский Союз было невозможно и до 22 июня 1941 года !

ГОРШКОВ: Было невозможно и невозможно сейчас. Я хочу подчеркнуть, что после войны и сейчас могущество Советского Союза является одной из основных гарантий сохранения мира.

*

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АНДРЕЙ ГРЕБЕНЮК: ПУТИ И МЕТОДЫ ПОДГОТОВКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА К ВОЙНЕ С ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

Социалистическая индустриализация начала 30-х годов способствовала оснащению советских вооруженных сил передовой для своего времени боевой техникой и оружием.

Если говорить о флоте, то страна теперь располагала тремя модернизированными линейными кораблями. А легкие крейсера "Киров", "Максим Горький", "Ворошилов" и "Молотов" по быстроходности, маневренности и вооружению не уступали лучшим кораблям этого класса. В сочетании с введенными в строй до первой пятилетки черноморскими крейсерами "Червона Украина", "Красный Кавказ" и "Профинтерн" они

составляли сильную крейсерскую эскадру, способную решать самостоятельные боевые задачи.

Наконец, накануне нападения фашистской Германии на СССР в состав Черноморского и Балтийского флотов вошли новейшие скоростные суда - лидеры эскадренных миноносцев "Москва", "Ленинград", "Харьков", "Баку" и "Ташкент", которые предназначались для стремительного прорыва вглубь боевых порядков кораблей противника и нанесения по ним торпедного и артиллерийского удара с предельно малых дистанций. Кроме этих кораблей военно-морской флот включал в себя еще 49 эсминцев и 212 подводных лодок различных типов.

К концу тридцатых годов Советский Союз превратился и в одну из ведущих авиационных держав. Только в 1937 году советскими летчиками было установлено около 30 международных рекордов на отечественных самолетах. Перелеты экипажей В.Чкалова и М.Громова через Северный полюс в США на туполевских самолетах АНТ-25 резко подняли авторитет советской инженерной мысли, продемонстрировали всему миру подлинное революционное новаторство в самолетостроении. Именно такие самолеты, стяжавшие себе мировую известность своими высокими летно-техническими качествами, составляли основу дальней бомбардировочной авиации Советского Союза.

Тактическая бомбардировочная авиация комплектовалась самолетами СБ (скоростной бомбардировщик), которые в 1936-1938 годах не имели себе равных по скорости даже среди истребителей, благодаря чему легко отрывались от преследования.

Истребительные соединения ВВС РККА были вооружены совершенными для своего времени машинами И-15, его модификацией И-153 и И-16 конструкции Н.Поликарпова. В 1936 году на международной авиационной выставке в Милане И-15 был удостоен диплома и Золотой медали как лучший

истребитель мира. В небе Испании и Китая, советские истребители превосходили немецкие, итальянские и японские на всех боевых режимах.

Советские бронетанковые войска к концу второй пятилетки также являлись наиболее боееспособными в мире. Советские танкостроители пошли на революционный шаг - отказались от господствовавшей в мире моды на "сухопутные броненосцы", низкоманевренные средние и тяжелые боевые машины. Было решено в производстве бронетанковой техники центр тяжести перенести на "легкие танки сопровождения" и "быстроходные танки развития наступления после прорыва обороны противника". Танки серии БТ (быстроходный танк), например, вообще не имели аналогов в мировой практике. Они способны были двигаться на резиновых катках по шоссе со скоростью легкового автомобиля. Их недостатком был авиационный двигатель, капризный и пожароопасный. Ведущий конструктор Харьковского тракторного завода А.Фирсов и его коллеги М.Кошкин и А.Морозов на их базе стали разрабатывать чисто гусеничный танк А-32, модификация которого позднее превратилась в легендарный Т-34.

К началу 1941 года советские бронетанковые войска насчитывали в своем составе по официальным данным 22.600 танков. Вопреки общепринятым оценкам, советские боевые машины по своим характеристикам не уступали лучшим мировым образцам.

Легкие танки, например, по вооружению, скорости и дальности хода приближались к среднему классу, естественно, уступая им в бронировании. Созданные в 1935 году механизированные корпуса, которые предназначались для развития наступления в глубине обороны противника, включали 348 танков БТ, 63 разведывательных плавающих танка Т-37 и 53 огнеметных танка. Пользуясь высокой скоростью и действуя в режиме бокового смещения, эти танки были способны вести атаку на артиллерийские позиции, затрудняя противнику прицельную стрельбу. Т-26

действовали в порядках наступающей пехоты против дезорганизованной обороны, подавляя пулеметные гнезда противника. Появившиеся в 1939 году танки Т-34 и КВ вообще не имели себе равных в мире.

При этом необходимо подчеркнуть, что существующее мнение о беспрецедентной мощи танковых сил вермахта является мифом. В немецко-фашистских войсках количество средних танков Т-III (по немецкой классификации "основной средний") и Т-IV ("танк поддержки") не превышало 10 процентов. Остальные были легкие Т-II и конструктивно неудачные итальянские и трофейные чехословацкие и французские танки.

Уступали советским танкам и те, которые поступали в начальный период войны по ленд-лизу. Легкий американский танк "Генерал Стюарт" почти по всем параметрам, кроме надежности двигателя, уступал БТ-7, а по вооружению и запасу хода - и Т-26. Средний танк "Генерал Грант" был не только громоздким, но имел неудачную компоновку вооружения. Танкисты вынуждены были для открытия огня из 75-мм боковой пушки поворачиваться правым бортом к противотанковым орудиям фашистов, которые выводили из строя его ходовую часть. Несколько лучшими качествами обладал английский "Валлентайн", но его проходимость и скорость оставляли желать лучшего.

В 1938 году механизированные корпуса были преобразованы в танковые при увеличении численности боевых машин до 560. Но в июле 1939 было решено осуществить их реорганизацию. Исходили из того, что существующие корпуса громоздки и управлять ими во фронтовой обстановке невозможно. Эта концепция полностью разрушила теорию стратегического использования бронетанковых войск, придав ей тактическое содержание. Поэтому особое внимание стало уделяться кавалерии, которая не зависела от поступления горючего, ремонтных парков, не нуждалась в подразделениях технического обеспечения.

В целом, достигнутые успехи в военном строительстве, видимо, внесли в среду высшего политического руководства успокоенность, что в какой-то степени способствовало и массовым "чисткам" среди военных. Именно тогда, в 1937 году были свернуты многие научные исследования в области создания новых образцов боевой техники. Сталин считал достаточным лишь модернизировать существующие. В мемуарной литературе долгие годы утверждалось, что Сталин осознал факт отставания Советского Союза только тогда, когда советские самолеты встретились в небе Испании с новыми немецкими и итальянскими истребителями и бомбардировщиками и стали терпеть поражение. К относительно большим потерям привело и появление у противника более мощной противотанковой артиллерии. Нарекания вызывало также устаревшее стрелковое оружие, особенно громоздкие станковые пулеметы "максим", которые, как считалось, годились лишь для обороны, в наступлении требовались легкие ручные пулеметы.

Однако резкий поворот в политике на немедленную замену якобы технически устаревшего вооружения новыми образцами нельзя признать актом политической мудрости. К тому же, технократическая абсолютизация отставания не сопровождалась параллельной переоценкой тактики и стратегии Красной армии и Военно-морского флота. Но, как известно, именно оружие, его боевые характеристики определяют способы и методы вооруженной борьбы. Несмотря на это, советская военная доктрина по-прежнему отражала теоретические взгляды времен Гражданской войны 1918-1921 годов. А ревизия боевых уставов привела лишь к их абсолютизации.

Все вместе это вносило путаницу в вопросы военного и военно-технического строительства. Так, к началу 1941 года ЦК ВКП(б) принял решение приостановить дальнейшее строительство крупных военных кораблей традиционных классов, которых, по официальной оценке, имелось в

достаточном количестве для решения оборонительных задач. Достраивались лишь два корабля: тяжелый крейсер "Петропавловск" в Ленинграде и линейный крейсер "Красная Украина" на стапелях судостроительного завода в Николаеве.

Первый представлял собой купленный в Германии за 100 миллионов марок крейсер "Лютцов", недостроенный из-за обнаружившихся там погрешностей конструкции. Для фашистской Германии это было поистине "сделкой века". Начальник Генерального штаба вермахта Гальдер записал в дневнике: "13.12.39. "Лютцов" продан России (корабль имеет конструктивные дефекты)." Достроить его удалось только после войны. Он был спущен на воду под названием "Таллин", но после ходовых испытаний выяснилась его полная непригодность и он был списан в металлолом.

Вокруг второго существовала обстановка строжайшей секретности, не вполне проясненная и сегодня. Предполагается, что он предназначался для строительства авианосца и мог быть спущен на воду уже в 1942 году.

Ввод в эксплуатацию Беломоро-Балтийского канала позволил перевести в Баренцево море часть эсминцев и подводных лодок из Кронштадта и воссоздать Северный флот вместо уничтоженного англичанами в 1920 году. Но этот единственный океанский флот Советского Союза имел в своем составе лишь лидер "Баку", 6 эсминцев (из них 3 устаревших) и 21 подводную лодку. Основные крупные корабли находились во "внутренних морях" - Черном и Балтийском, куда Германия и Италия вводили аналогичные суда не собирались.

Военно-воздушные силы получили в 1938-1941 годах 9.690 бомбардировщиков и 12.995 истребителей из 23 тысяч боевых самолетов всех классов, выпущенных за это время авиапромышленностью. Правда, советская бомбардировочная авиация по бомбовой нагрузке и дальности уступала

германской и итальянской. Но советские истребители по своим тактико-техническим данным, как уже отмечалось, находились на одном уровне с истребителями других стран. причем могли применяться и как многоцелевые. Несмотря на это. из-за ложно истолкованного опыта испанской войны в военно-воздушных силах ликвидировались специализированные по классам самолетов авиационные полки и эскадрильи (кроме ВМФ и ПВО).

В каждой общевойсковой армии создавалась смешанная авиационная дивизия, включавшая в себя четыре полка: истребительный, легкобомбардировочный (штурмовой), бомбардировочный и разведывательный. Авиадивизия подчинялась командующему общевойсковой армии и выполняла задачу поддержки пехоты и кавалерии с воздуха. Эффективно управлять такой массой разнотипных самолетов было невозможно.

Кроме того, с точки зрения новых уставных требований советским самолетам предписывалось "экономить моторесурс". Истребители должны были вести патрулирование на "экономической скорости", составлявшей 0,6 от максимальной, и на жестко заданных высотах. В то же время немецкие и итальянские пилоты действовали в зоне боевых действий исключительно на максимальных скоростях и на оптимальных высотах. Советские летчики должны были вести групповой бой строем трехсамолетного звена или эскадрильи, и тем самым лишались возможности свободного маневра. Противник же действовал маневренными парами или хорошо слетанными звеньями из двух самолетов. Все эти регламентации связывали действия даже самых современных советских самолетов и самых искусных летчиков. И все преимущества сразу оказывались на стороне противника.

Бомбардировочная авиация оказалась еще в худшем положении, так как для нее скорость на маршруте к цели составляла 0,75 от максимальной.

Эти и другие преобразования в области военно-технического строительства происходили на фоне успехов вермахта в Польше и во Франции.

Безграмотные, противоречивые решения ЦК ВКП(б) и высшего политического руководства страны привели к серьезным просчетам в области военного строительства, легли тяжким бременем на плечи всего советского народа. Именно за счет нещадной эксплуатации народа за три года последней предвоенной пятилетки был увеличен валовый выпуск промышленной продукции на 45 процентов, продукции машиностроения - на 76 процентов. В 1938-40 годах вступило в строй около 3 тысяч новых промышленных предприятий.

Особое внимание уделялось увеличению производства зерна. В 1940 году его валовый сбор достиг 95,5 млн. тонн и, таким образом, превысил показатели 1913 года на 30 млн. тонн. Однако достигнуто это было, главным образом, за счет сокращения выплат по трудодням (мера затрат труда колхозников в общественном хозяйстве и их долевого участия в распределяемых доходах. - Ред.) в колхозах при введении денежной компенсации.

Благодаря этому с 1938 по 1940 годы в четыре раза вырос выпуск самолетов и танков, в три с лишним раза - артиллерийских орудий. В 1939-41 годах было сформировано 125 новых дивизий. Численность армии с 1937 по январь 1941 года выросла с 1.513 тысяч человек до 4.207 тысяч, количество военных академий - с 14 до 19, военных училищ - с 75 до 203. Готовили кадры для армии 300 школ и клубов добровольного общества содействия армии и флоту, в которых прошли подготовку более 13 млн. советских юношей и девушек. Если ассигнования на оборону в 1928-29 годах составляли лишь 10 процентов национального бюджета, то в 1940 году - 32,6 процента.

В целом, соотношение войск и вооружений в приграничных районах на 22 июня 1941 года было следующим: пехотные и стрелковые дивизии СССР и Германии - 103/190; танковые дивизии - 40/19; моторизованные дивизии - 20/14; кавалерийские дивизии - 7/4; самолетов всех классов - 7,9 тыс. (из них 2,71 нового поколения)/4,98 тыс.; танков легких и САУ - 8,2 тыс./4,3 тыс.; танков средних и тяжелых - 1,8/1,3. При этом следует учитывать, что механизированная дивизия РККА отличалась от танковой дивизии вермахта по количеству боевых машин: в советской - 375, в немецкой - 196. Личный состав стрелковой дивизии Красной армии был примерно вдвое меньше мотопехотной дивизии немецкой армии. К тому же, Германия не располагала тяжелыми танками.

Другими словами, на 22 июня 1941 года Красная армия превосходила немецко-фашистские войска как в качественном, так и в количественном отношении, уступая лишь в живой силе. Преимущество было столь впечатляющим, что, судя по всему, гипнотизировало советское руководство. Однако расплачиваться за нелепую с профессиональной точки зрения дислокацию советских войск в приграничных районах пришлось советскому народу.

Трагедия заключалась в том, что расположение войск в наступательных боевых порядках исключало возможность их использования для обороны. Охват дислоцированных в непосредственной близости у границы крупных советских танковых группировок, отсечение их от баз снабжения и основных сил пехоты в условиях нарушенного управления лишал их способности к организованному сопротивлению. Такого же рода сконцентрированное расположение авиации вблизи границы привело к почти полному ее уничтожению.

Трагедия 22 июня была запрограммирована всем ходом военно-политического строительства в СССР.

★

Публикуется впервые

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ ВЛАДИМИР МАКАРЦЕВ: К КАКОЙ ВОЙНЕ ГОТОВИЛСЯ СТАЛИН ?

(Опыт альтернативного исследования)

В последнее время на страницах советской и мировой печати появляется все больше документальных свидетельств того, что советское высшее политическое руководство было знакомо с данными разведки о готовящемся нападении фашистской Германии на Россию. Однако его нежелание или неспособность принять хотя бы элементарные меры предосторожности, которые были тщательно разработаны, в частности, и советской военной теорией, привели к катастрофическим для Советского Союза потерям в начальный период войны. Да и за победу пришлось заплатить невероятную цену - 27 миллионов жизней.

Несмотря на массу впервые опубликованных документов секрет 22 июня 1941 года не разгадан до сих пор. На наш взгляд, поиск в архивах каких-то особенно важных документов вряд ли приведет к желаемому результату - наиболее ценное, наверняка, уничтожено. Поэтому, чтобы хоть как-то приблизиться к разгадке 22 июня необходимо, на мой взгляд, идти, как в математике, через доказательство от обратного - от театра военных действий.

Как известно, географические условия театра, как правило, не меняются на протяжении столетий. Это - объективные условия, которые диктуют собственные правила поведения каждому новому поколению действующих лиц мировой истории. Переменным условием на театре являются технические и материальные возможности противостоящих сторон. Причудливое переплетение постоянных и переменных условий порождают особенности, специфику той или иной войны.

Если с этих позиций рассмаривать 22 июня 1941 года, то станет ясно, что Сталин действительно готовился к войне. Однако главное заключается в том, чтобы понять - к какой войне?

Сегодня уже известно, что Сталин знал о формировании ударных немецких группировок на границе. Более того, по свидетельству маршала Г.Жукова, в начале 1941 года Сталин с Гитлером обменялись личными "доверительными" письмами. Концентрацию войск на польской границе Гитлер объяснил необходимостью их скрытного переформирования и перевооружения. Сталин поверил.

Однако из недавно рассекреченного приказа наркома обороны СССР от 10 июня 1941 года можно предположительно сделать вывод о том, что между Сталиным и Гитлером был осуществлен по крайней мере еще один секретный контакт - в Москве приземлился немецкий самолет-нарушитель. Из большого количества нарушений воздушной границы СССР это был единственный случай посадки нарушителя в Москве.

В приказе наркома, в частности, говорится: "15 мая 1941 года германский внерегисовый самолет Ю-52 совершенно беспрепятственно был пропущен через государственную границу и совершил перелет по советской территории через Белосток, Минск, Смоленск в Москву. Никаких мер к прекращению его полета со стороны органов ПВО принято не было. ...Более того, начальник штаба ВВС Красной армии генерал-майор авиации Володин и заместитель начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майор авиации Грендаль, зная о том, что самолет Ю-52 самовольно перелетел границу, не только не приняли мер к задержанию его, но и содействовали его полету в Москву разрешением посадки на Московском аэродроме и дачей указания службе ПВО обеспечить перелет."

Самолет был отправлен назад через три дня вместе с экипажем. Никаких данных о том, кто был на борту, с какой целью был сделан перелет в приказе не содержится.

Сегодня с определенностью можно утверждать лишь одно - в начале 40-х годов даже генералы советских ВВС не могли самовольно дать разрешение на посадку самолета-нарушителя в Москве, а нарком обороны об этом случае, судя по приказу, не имел понятия. Характерно, что 14 июня 1941 года, т.е. ровно через месяц после полета Ю-52 и через четыре дня после приказа наркома обороны, было опубликовано заявление ТАСС с опровержением слухов о готовящемся нападении Германии на Советский Союз.

Здесь невольно напрашивается параллель с полетом Р.Гесса в Шотландию 10-11 мая 1941 года. Выбор времени и в том и в другом случае, видимо, не был случаен - 12 мая началось развертывание последнего стратегического эшелона вермахта на Востоке. Тот факт, что Р.Гесс был арестован, а значит не достиг результатов, мог подтолкнуть Гитлера на дополнительный секретный сговор со Сталиным (хотя не исключено, что оба полета были параллельными). И здесь возникает вопрос - чем можно было убедить Сталина в безопасности для СССР пяти-миллионной немецкой группировки, чем можно было привлечь его на свою сторону? Со стратегической точки зрения, ответ может быть только один - Сталин мог дать согласие на проход германских войск через территорию СССР, через Кавказ на Ближний Восток, дальше - к Суэцу и Гибралтару. В этом случае Сталин обеспечивал бы тылы Гитлера (как это фактически было до сих пор), а Красная армия оставалась бы единственной вооруженной силой в Европе, имевшей блестящую стратегическую позицию для удара в спину. Последнее обстоятельство, кстати, могло бы объяснить и тот факт, что в сознание советских людей, в армию подспудно насаждались идеи о неизбежности войны с Германией (см. интервью А.Аксельбанка).

Несмотря на всю фантастичность, это предположение имеет под собой ряд существенных стратегических аргументов, главные из которых - наличие общих противников и особенности театра военных действий. В пользу первого говорит то, что Германия и Россия формально были союзниками. Гитлер вел войну на Западе во многом опираясь на экономическую помощь СССР и его военное бездействие.

В пользу второго говорит то, что у Гитлера не было достаточно сильного военного флота для того, чтобы вести войну на море. А без этого победить Англию было нельзя. Но у Гитлера была мощная сухопутная армия. Она позволяла ему стремиться к захвату жизненно важных для англичан стратегических пунктов, каковыми были Ближний Восток, Суэц, Гибралтар. Но концентрировать крупную группировку, скажем, на юге Франции или в Испании было рискованно и бессмысленно. Она могла быть уничтожена в самый критический момент превосходящими силами авиации и флота союзников. К тому же, действия сухопутной армии ограничивались береговой линией Западной и Южной Европы. И самое главное - после капитуляции Франции в Европе не оставалось армий союзников.

Косвенное подтверждение второго аргумента мы можем найти и в плане "Барбаросса", где война с Россией трактовалась как частная кампания, частная операция в цепи задач на пути к главной цели войны: "Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант "Барбаросса"). ...Конечной целью операции является создание заградительного барьера (! - В.М.) против Азиатской России по общей линии Волга, Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации."

Почему не полный разгром России, а лишь "заградительный барьер" по линии Архангельск-Волга? Эта

задача, как представляется, диктовалась необходимостью обеспечения тыла в случае ведения войны на Ближнем Востоке, в Египте, в Северной Африке. Волга была той уникальной транспортной артерией, по которой можно было напрямую осуществлять снабжение войск, ведущих боевые действия в бассейне Средиземноморья, с Балтийского побережья Германии. Причем, в этом случае тыловое обеспечение ни при каких условиях не могло быть серьезно нарушено действиями авиации или флота союзников, а СССР к этому времени перестал бы существовать как реальная военная сила. К этому надо добавить и экономический потенциал побежденной России.

Не исключено, что Гитлер со Сталиным могли договориться и о совместных действиях. Во всяком случае, в выступлении С.Тимошенко на совещании в декабре 1940 года, текст которого фактически заменил собой устаревшие боевые уставы, рассматривался не только европейский театр военных действий. В главе "Особенности в характере операций на малокультурных театрах", в частности, говорится (публикуется впервые): "1. На таких театрах, как Средневозосточный, Дальневозосточный и Ближневозосточный, операции будут протекать по отдельным операционным направлениям, поэтому армия там сохраняет свою самостоятельность, а иногда самостоятельными будут корпуса и даже дивизии."

О том, что Германия и Россия имели давние стратегические интересы на Ближнем Востоке говорит целый ряд фактов. Но уникальность ситуации заключалась в том, что до того момента пока они не выходили непосредственно к прилегающим районам Ближнего Востока, к Турции, они вынуждены были действовать совместно против Англии и Франции. После того как Россия и Германия получали доступ к прилегающим районам, получали плацдарм они становились конкурентами, противниками.

Так, царская Россия, в первую мировую войну имевшая благоприятные условия для выхода к черноморским проливам благодаря национальной борьбе славянских народов Австро-Венгрии и Турции за свое самоопределение, имела в лице Германии стратегического противника. Советская Россия, потерявшая западные области бывшей российской империи и уже опаздавшая с освобождением "братьев-славян", вынуждена была идти на союз с Германией. Правда, союз этот обязательно должен был быть совершенно секретным, потому что носил крайне противоречивый характер и каждый из его участников в любой момент готов был его нарушить. Первым его нарушил Гитлер.

Верный стратегическим интересам Германии. Гитлер не поверил в идеологическое содержание политики Сталина. И когда перед ним встала задача войны на Ближнем Востоке, он понял, что здесь его интересы неизбежно столкнутся с интересами России, пусть даже советской.

*

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК НИКОЛАЙ КОБРИН: ОТКРЫТИЕ ВТОРОГО ФРОНТА И БЕЛОРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ

6 июня 1944 года американско-английские войска высадились в Северной Франции.

Основные мотивы, которыми, судя по всему, руководствовались союзники, состояли в том, чтобы не допустить продвижения советской армии на Балканы и укрепить свои позиции в Европе. Но именно действия Красной армии, отвлекавшей на себя главные силы вермахта, во многом определили успех союзных войск в Нормандии. Чтобы закрыть огромную брешь, образовавшуюся в центре советско-германского фронта, гитлеровцы вынуждены были перебросить сюда 46 дивизий и 4 бригады из Западной Европы.

Белорусская операция оказалась возможной благодаря тому, что в результате разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом, на Правобережной Украине и в Крыму были сорваны планы гитлеровского командования, направленные на стабилизацию Восточного фронта на рубеже Днепра и на удержание его вдали от границ Германии. Всего было разгромлено 172 дивизии и 7 бригад. Кроме того, победы советских войск обострили внутривосточную ситуацию в фашистском блоке. Еще в сентябре 1943 года из войны была выведена фашистская Италия. Несмотря на высадку союзников в Нормандии гитлеровское командование ставило главной задачей не допустить прорыва своих оборонительных рубежей. Но и оборонительная стратегия, к которой перешел противник после поражений в кампании 1943 года, не могла спасти положение. По словам генерала вермахта Э.Бутлара, требовалось "ослабить силы русских и удержать рубежи, расположенные как можно дальше к востоку от границ Германии и важнейших сырьевых источников, которые еще оставались в руках немцев."

Вместе с этим, Германия пыталась внести раскол в ряды союзников. Именно в 1944 году гитлеровское руководство стало предпринимать попытки, направленные на организацию сепаратных переговоров с западными державами с целью затянуть войну.

Планы же советского командования разрабатывались до высадки союзников в Нормандии. Красной армии предстояло очистить территорию Советского Союза от войск оккупантов, перейти к освобождению европейских стран. Гитлеровские генералы не сомневались в том, что перерыв в действиях Красной армии носит временный характер. Основным вопросом заключался в том, чтобы определить, где будет нанесен главный удар. Командование вермахта считало, что основные события по-прежнему будут разворачиваться на юго-западном направлении. Начальник штаба верховного командования вооруженных сил Германии генерал В.Кейтель в мае 1944

года, выступая на совещании командующих армиями Восточного фронта, говорил: "Исходя из данных о перегруппировке сил противника и общего военного и политического положения, надо считать, что русские, вероятно, свои главные силы сконцентрируют на южном участке фронта." Поэтому гитлеровское командование из 34 танковых и моторизованных дивизий, которыми располагало в то время на советско-германском фронте, 24 держало к югу от Припяти.

Советскому командованию удалось скрыть направление главного удара и ввести противника в заблуждение относительно своих планов. Ставка Верховного главнокомандования летом 1944 года решила главный удар нанести в районе Белоруссии. Это было связано с целым рядом причин. Так, оборонявшаяся здесь немецкая группа армий "Центр" прикрывала кратчайший путь к Германии, угрожала флангу советских войск, действовавших на Украине и в Прибалтике, и обладала сетью аэродромов, расположенных на сравнительно небольшом расстоянии от центральных районов Советского Союза.

Стремясь удержать Белоруссию, противник создал здесь прочную оборону. Общая глубина оборонительных полос и рубежей достигала 250-270 км. Как правило, оборонительные рубежи строились по западным берегам рек, господствующим высотам, а все населенные пункты в районе этих рубежей приспособлялись к обороне.

Для проведения Белорусской операции привлекались войска четырех фронтов, авиация дальнего действия. Днепровская флотилия и соединения белорусских партизан (2,4 млн. человек). Используя опыт предыдущих операций, ставка ВГК выработала оригинальный замысел операции: на широком фронте прорвать оборону противника на шести участках, окружить и разгромить его группировки в районах Витебска и Бобруйска, а затем сходящимися ударами трех Белорусских фронтов в общем направлении на Минск в тесном

взаимодействии с партизанами окружить и уничтожить основные силы армий "Центр" к востоку от города. В дальнейшем предполагалось, наращивая удар, наступать к западным границам СССР в расходящихся направлениях, продолжая дробить и расчленять фронт противника.

Основным способом действий было избрано окружение с одновременным расчленением и уничтожением ряда вражеских группировок. В отличие от целого ряда других операций дробление стратегического фронта сочеталось с окружением оперативных группировок в районе Витебска в тактической глубине силами общевойсковых армий, в районе Бобруйска в оперативной глубине подвижными войсками одного фронта, а в районе Минска силами трех фронтов на глубине более 200 км от переднего края. Следует отметить, что внешний фронт окружения во всех случаях создавался подвижным, т.е. путем наступательных действий. Быстрое продвижение советских войск на внешнем фронте затрудняло окруженному противнику организацию не только технического, но и оперативного взаимодействия с его войсками, действовавшими извне. Это создало благоприятные условия для быстрого и полного уничтожения окруженного противника.

Наступление началось в трехлетнюю годовщину со дня вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз - 22 июня 1944 года. Уже на первом этапе (с 23 по 4 июля) в результате Витебско-Оршанской, Могилевской, Бобруйской и Минской операций были разгромлены главные силы группы армий "Центр" и освобожден Минск.

В целом, Белорусская стратегическая операция характеризовалась большим размахом. Наступление, начавшееся на фронте в 500 км, завершилось на фронте в 1100 километров. Глубина продвижения войск составляла 550-600 км, среднесуточный темп наступления на первом этапе операции достигал 25-30 км, а для подвижных соединений - 43 километра.

Белорусская операция получила высокую оценку у союзников. Выступая 2 августа в Палате общин У.Черчилль признал, что советская армия сыграла главную роль и "выматывает кишки" из германской армии. Он говорил, что в воздухе, на океане и в морях "мы можем сохранить наше положение", но не было в мире такой силы, разве что она могла быть создана еще через несколько лет, которая могла бы сломить и сокрушить германскую армию и нанести ей такие колоссальные потери, как это сделали советские армии.

Даже фашистские генералы признавали огромный размах и необратимость результатов Белорусской операции. Генерал Бутлар писал, что разгром армий "Центр" положил конец "организованному сопротивлению немцев на Востоке".

★